

происходящих трансформаций, не выработало механизма мягкого согласования интересов молодежи с другими группами общества, не создало системы социализации молодежи, которая исходила бы из адекватного соотношения между воспитательным воздействием старших поколений и реальным молодежным самоуправлением. В этих условиях возникает необходимость выработки совершенно новых механизмов обеспечения взаимоотношений между обществом и новыми поколениями.

Сейчас речь должна идти о переосмыслении роли молодежи в историческом процессе и процессах национального развития, о преодолении потребительского отношения к ней со стороны общества и его социальных институтов⁷.

Ранее процесс социализации молодежи трактовался упрощенно – как одностороннее усвоение опыта, идей, ориентаций старшего поколения и общества в целом, считалось, что молодежь способна только на воспроизведение существующих общественных отношений, а не на творчество и новации. Однако социализация является двусторонним процессом и результатом встречной активности субъекта и объекта социальной среды. Исходя из этого, необходима смена патерналистской политики государства по отношению к молодежи, что возможно при следующих условиях: отказа от отживших стереотипов и идеологических штампов прошлого, перехода от преимущественно директивно-командной системы политического руководства молодежью к демократической молодежной политике. Такие отношения предполагают «обратную связь» и контроль «снизу»,

учитывающий плюрализм интересов, позиций и мнений в молодежной среде⁸. Государство уже сегодня должно выработать реалистичную, сбалансированную, взвешенную политику по развитию молодежи как социальной силы, создавать соответствующие условия и гарантии для ее жизненного самоопределения и самореализации, что в конечном счете должно способствовать преодолению противоречий между интересами государства и подрастающего поколения.

Примечания

- 1 Константиновский Д. Л. [и др.]. Образование и жизненные траектории молодежи : 1998–2008 годы. М. : Ин-т социологии РАН, 2011. С. 6.
- 2 См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи : учебник. М. : Норма, ИНФРА-М, 2013. С. 11.
- 3 См.: Гориков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России : социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010. С. 17.
- 4 См.: Переверзев М. П., Калинина З. Н. Экономические основы работы с молодежью : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2010. С. 192.
- 5 См.: Константиновский Д. Л. [и др.]. Указ. соч. С. 79.
- 6 См.: Лундин В. Н. Социология молодежи : учеб. пособие. Орёл : Изд-во Орлов. гос. техн. ун-та, 2011. С. 31.
- 7 См.: Хайдаров Р. Р., Овчинина Т. Б. Социология молодежи и молодежная политика : учеб. пособие. Казань : Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2009. С. 54.
- 8 См.: Ховрин А. Ю. Государственная молодежная политика : синтез патернализма и социального партнерства // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 1. С. 134.

УДК 316.334.22

ПРОБЛЕМЫ НАЕМНОГО ТРУДА В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

А. В. Тавадова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: atavadova@gmail.com

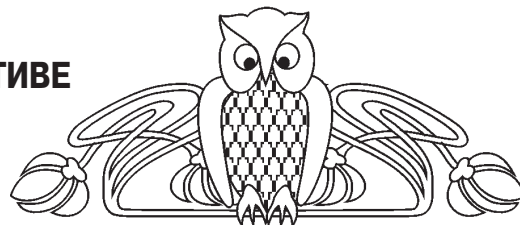
В настоящей статье описывается феномен, получивший название «лишние люди». Эта ситуация характеризует состояние современного наемного труда и вместе с тем является сферой, образующей поле действия для социального государства как института, призванного сглаживать дисфункциональные последствия свободной экономики.

Ключевые слова: социальное государство, наемный труд, безработица, формы занятости, социальная защищенность.

The Problems of Wage Labor in the Modern Welfare State

A. V. Tavadova

The article considers a phenomenon known as the «superfluous men». This situation characterizes the state of today's employees and at the

same time is a sphere, forming a field of action for the welfare state as an institution designed to smooth disfunctional consequences of a free economy.

Key words: welfare state, wage labor, unemployment, forms of employment, social security.

Значение сферы трудовых отношений трудно переоценить как для общества в целом, так и для отдельно взятых его представителей. Разделение общественного труда – основа того типа социальной солидарности, которую классик социологической мысли Э. Дюркгейм назвал органической¹. Трудовая занятость служит вместе с тем источником стабильного дохода для поддержания качественного уровня жизни трудящегося

и его семьи. Она также призвана решать проблемы, связанные с социализацией, реализацией творческих способностей человека, потребностью самовыражения, сферой коммуникации и признания в коллективе. Социальное государство как гарант достойного человека уровня жизни тесным образом связано с вопросом реализации трудовых прав граждан. В поле трудовых отношений осуществляется циркуляция индивидов (как вертикальная, так и горизонтальная) по направлениям социальной мобильности.

Сама концепция социального государства есть реакция на острое состояние «социального вопроса», проявившего себя во второй половине XIX в., когда быстрые темпы индустриализации и рост городов западных стран вскрыли многие противоречия, связанные с возрастающей долей наемного труда в экономических отношениях. Современный французский социолог Р. Кастьель проследил историю наемного труда в европейских странах и пришел к заключению, что сегодня мы можем наблюдать повышенную нестабильность наемного труда, явившуюся следствием эволюции технологических и экономических требований развития капитализма. Исследователь определил эту ситуацию как «новый социальный вопрос»².

С точки зрения анализа наемного труда Р. Кастьель выделяет три основополагающих аспекта этого вопроса. Во-первых, разрушение устойчивости лиц наемного труда. Причем этот процесс все меньше связан с уровнем квалификации потенциальных работников. Руководители среднего и высшего звена, как и другие категории наемного труда, находятся перед угрозой «исключения» из сферы трудовых отношений. А те, кто ранее, как казалось, имели стабильное положение, все меньше могут надеяться на восходящую мобильность. Во-вторых, «исключенные» индивиды укореняются в нестабильной ситуации. То есть безработица все чаще приобретает тенденцию становиться длительной или постоянной. Те, кто попадает в категорию безработных, в последующем подвержены риску периодической безработицы. Как правило, в положении «относительно нанимаемых» оказывается молодежь, впервые ищущая работу после окончания обучения и вынужденная скитаться от одного испытательного срока к другому для выполнения краткосрочных задач. Также работа исключения становится все более актуальной для работников предпенсионного возраста, которые становятся «невыгодны» предприятию в связи с собственной малой гибкостью и неспособностью идти в ногу с технологическим прогрессом. «Нестабильность становится судьбой», формируя особый тип образа жизни и соответствующую ему стратегию выживания – «жить одним днем». Такую социальную ситуацию Р. Кастьель назвал «неопауперизмом».

В-третьих, усиление нестабильности и рост безработицы есть следствие «дефицита мест».

Кастьель вскрывает значимость феномена, который он называет «лишние люди». Они плохо интегрированы в дюркгеймовском смысле в структуру общества как единого целого. Они одновременно находятся в обществе, но в то же время не принадлежат к нему. Они дисквалифицированы в политическом и гражданском смысле, поскольку «социально бесполезны». «В современной социальной структуре, – пишет Р. Кастьель, – они занимают такую же социальную позицию, как представители “четвертого мира” в период расцвета индустриального общества: они не участвуют в системе товарного обмена, они опоздали на поезд модернизации и остались на перроне со своим скромным багажом»³. Сам факт их существования, подчеркивает социолог, представляет собой проблему.

«Лишние люди» крайне уязвимы, поскольку социально бессильны, они не являются полноценными социальными акторами, способными участвовать в преобразовании социальной среды. Состояние этих ненанимаемых усугубляется ко всему прочему потерей ими значительной доли социального капитала, поскольку в обществе, где большая часть экономически активного населения «идентифицирует себя через труд», их разрыв со сферой трудовых отношений ведет к дефиляции, ослаблению связей с другими сферами социального взаимодействия. Эмпирически это отражается в более частых распадах семей, ухудшении отношений с соседями, вынужденном исключении из групп интересов, падении уровня доверия и, в крайнем проявлении, социальной изоляции. В то же время это не маргинальная группа и ее нельзя соотносить, в классификации социального неравенства Т. И. Заславской⁴, с социальным дном. Важно, что «лишние люди» не воплощают свое существование в более или менее сплоченном коллективе и, как следствие, не выдвигают никаких конкретных требований ни государству, ни обществу.

Получившие сегодня широкое распространение новые формы занятости можно рассматривать, с одной стороны, как механизм «включения» людей, не нашедших себе применения в сфере формальных трудовых отношений, но с другой, как угрозу достижениям социального государства за годы его развития во многих странах современного цивилизованного мира. Особенно распространены новые формы занятости в странах, где законодательство в социальной сфере не отличается жесткостью, например, в странах Восточной Европы и России.

В современной отечественной литературе выделяют такие виды новых форм занятости, как неформальная, нестандартная, непостоянная (временная), случайная, вторичная, дистанционная занятость и, наконец, заемный труд и др. Теоретическое объяснение разнообразия форм занятости основывается на функциональной необходимости гибкости режимов труда: нестан-

дартные трудовые отношения зачастую экономически более выгодны как для нанимателя, так и для нанимаемого. Однако повышение экономической эффективности зачастую достигается в ущерб социальной защищенности наемного труда.

Краткий анализ перечисленных форм занятости позволит более четко обрисовать существующую проблему.

Неформальная занятость. Занятость в неформальном секторе экономики представлена в отечественной литературе обширным перечнем исследований⁵. Неформальная занятость – совсем не новое социальное явление, напротив, нормальная, с точки зрения развитых стран, формальная занятость – это результат правового преобразования трудовых отношений, в основном осуществившегося в ушедшем столетии, другими словами, результат «социальных побед» рабочего класса.

Сравнительный анализ динамики занятости в неформальном секторе, исходя из данных Обследования населения по проблемам занятости⁶, показал, за период 2008–2013 гг. в этом секторе экономики было занято в среднем около 18% от общей численности занятого населения. Максимальный показатель неформальной занятости приходится на кризисный 2008 г. (18,4%), но к 2010 г. наблюдалось постепенное сокращение этого сектора до 16,3%. Однако в последующие годы наметилась обратная тенденция, которая привела в начале 2013 г. фактически к уровню 2008 г. Надо заметить, что по отношению к концу 1990-х гг. неформальная занятость существенно возросла. Таким образом, общая численность занятых в неформальном секторе составляет 12 974 тыс. человек, и для более чем 12 млн это является основной и единственной работой. Около миллиона человек в неформальном секторе нашли для себя источник дополнительного заработка.

По данным проекта в рамках Программы фундаментальных исследований ВШЭ (2010–2012 гг.) под руководством В. Е. Гимпельсона⁷, на российском рынке труда не было выявлено жестких институциональных барьеров между секторами неформальной и формальной занятости. Исследование показало, что нет оснований рассматривать неформальную занятость в качестве «ловушки», из которой работникам трудно выбраться. Основанием для таких выводов служат следующие факты: во-первых, заработок трудящихся в неформальной сфере сопоставим с доходами работников формальной сферы; во-вторых, нет прямой зависимости между неформальной формой занятости и социальной депривацией; в-третьих, разрастание неформального сектора связано с минимизацией издержек на создание рабочих мест.

Позволим себе не согласиться с приведенным заключением. Безусловно, неформальный

сектор является источником доходов для миллионов граждан и способствует их включению в трудовые отношения, избегая риска безработицы. Наряду с этим неформальная занятость создает другие риски, не согласующиеся с развитием социального государства: правовая незащищенность работников, шаткость его трудового статуса, отсутствие гарантии своевременной выплаты заработанных денег, невозможность воспользоваться социальным пакетом, наконец, отсутствие условий развития и накопления человеческого капитала. В социологическом контексте можно сказать больше – у людей, занятых в неформальном секторе, вообще нет трудового статуса как такового, поскольку трудно говорить об их трудовой идентификации. Не последним в проблеме разрастания неформальной занятости является вопрос о перечислении налогов и формировании страховых фондов, направленных на реализацию задач социального государства. В целом масштабы неформального сектора характеризуют незрелость социально-экономического уровня развития.

Еще одной распространенной формой занятости является **вторичная занятость**. Она представляет собой так называемые приработки, или дополнительную работу на одном или нескольких рабочих местах наряду с основной работой. В России свыше 1,5 млн человек вовлечены во вторичные трудовые отношения, имея две или более дополнительных работ. Более 6 млн человек находятся в поиске дополнительной работы.

Основная причина такого явления связана с потребностью дополнительного дохода, хотя не исключены и другие мотивы, такие как повышение социального статуса, связанного с престижем вторичного места работы, возможность самореализации, возможность пользоваться дополнительными благами и другие виды полезности.

Вторичная занятость, как правило, носит временный и случайный характер. И хотя в определенных случаях она является экономически выгодной как для работодателя, так и для работника, часто это отражается на социальной эффективности, в том числе из-за чрезмерной трудовой нагрузки на одного работника, т. е. увеличении числа сверхзанятых работников. К тому же нельзя не учитывать, что подавляющая часть вторично занятых находит дополнительный источник доходов в неформальном секторе.

Следующие два вида занятости – **временная и случайная** – представляют интерес не только с точки зрения снижения социальной эффективности трудовых отношений, но также тем, что являются непостоянными источниками доходов для описанных выше «лишних людей».

Вероятно, в условиях развития социального государства временная и случайная занятость представляют наибольшую опасность из всех форм занятости для увеличения социального не-

равенства, поскольку такие работники, помимо рисков, характерных для неформальной занятости, не могут рассчитывать на минимальные социальные блага, а их экономические доходы снижаются непропорционально затраченному на работу времени.

Особую модификацию временного и/или случайного труда представляет фриланс (freelance). Его широкому распространению в России, как и во всем мире, способствуют, в первую очередь, Интернет и социальные сети, через которые соискатель сам предлагает свои трудовые ресурсы для выполнения работ вне штата. Такая форма занятости, как и вышеизложенные, имеет «две стороны медали», одна из которых указывает на дисфункциональные проявления, а другая, напротив, открывает новые возможности для самореализации и развития для молодых, творческих и активных субъектов трудовых отношений.

Следующие два вида занятости являются относительно новыми формами трудовых отношений для России, как, впрочем, и для всего мира. Это **дистанционная занятость** и **заемный труд**. Дистанционная занятость стала возможной благодаря развитию телекоммуникационных технологий, а также происходящим процессам глобализации. Это форма занятости удовлетворяет не только потребности внутреннего рынка труда, расширяя его границы, но предоставляет доступ к участию россиян в международном разделении труда. К сожалению, этот вид занятости трудно поддается оценке, поскольку представлен пока еще малочисленными исследованиями с весьма ограниченными возможностями выборки. Однако, опираясь на экспертные данные, можно говорить лишь о приблизительных масштабах этого рынка.

При достаточном уровне развития нормативно-правового регулирования этого вида занятости можно сказать, что дистанционная занятость скорее имеет больше «плюсов», чем «минусов» в решении проблемы доступа населения к труду. В формате дистанционной занятости уже нашли свое место представители многих профессий – журналисты, редакторы, бухгалтеры, веб-дизайнеры, разработчики программного обеспечения, бизнес-консультанты, страховщики и риэлторы, юристы, переводчики, инженеры, аналитики и исследователи, а также целые сферы бизнеса – консалтинговые фирмы, агентства недвижимости, юридические фирмы и многие компании, предлагающие аутсорсинговые услуги. Ко всему прочему, развитие удаленного труда позволяет вовлекать в трудовые отношения некоторые категории граждан, которые ранее были исключены из этих отношений, и таким образом способствовать сокращению риска бедности: люди с ограниченными возможностями; женщины, воспитывающие малолетних детей; лица, осуществляющие уход за больным родственни-

ком; а также граждане, проживающие на труднодоступных территориях.

Вместе с тем вопрос социальной защищенности граждан в поле дистанционной занятости до сих пор остается открытым. Связано это прежде всего с социально-правовым регулированием взаимоотношений в этой специфической форме занятости. Во-первых, на предприятиях документально не фиксируются лица, работающие удаленно, а значит, не определен их статус и за ними не закреплены права с учетом специфики труда. Во-вторых, отсутствуют статистический мониторинг и контроль деятельности в данном сегменте рынка труда как во внутринациональном, так и в международном аспектах. В-третьих, отсутствует разработанная государственная политика регулирования дистанционной занятости.

Во многом схожие проблемы существуют и в сегменте так называемого заемного труда. В развитых странах эта форма занятости уже давно стала легитимной, и именно иностранные компании внедрили эту практику в нашей стране. В последние годы в России наблюдается рост спроса на заемный труд. Безусловно, эта новая форма занятости весьма функциональна для бизнеса, поскольку повышает его гибкость, позволяя быстро заменить отсутствующего по каким-либо причинам штатного сотрудника или привлечь дополнительную рабочую силу в условиях быстро меняющейся экономической конъюнктуры и (не в последнюю очередь) оптимизировать затраты на персонал. Однако использование заемного труда может существенным образом сказаться на социальной ответственности бизнеса, ведь, помимо экономии издержек по заработной плате и социальным выплатам, работодатель получает дополнительные возможности уклоняться от обязательств по трудовому законодательству, требованиям профсоюзов, усиливая, таким образом, эксплуатацию наемного труда. Интересно, что критика на описанную форму занятости обрушилась в первую очередь в западных странах, несмотря на высокий уровень развития там трудового законодательства.

Более того, услугами заемного труда, как правило, пользуются крупные корпорации, которые в основном запрашивают высококвалифицированную рабочую силу. Это в определенной степени подтверждает гипотезу Р. Кастеля, касающуюся усиления в современном мире дискриминации наемного труда как такового.

Конечно, приведенная классификация форм занятости является весьма условной, поскольку на практике чаще всего встречается сочетание двух и более видов. Например, как было уже указано выше, вторичная занятость чаще всего бывает в неформальном секторе; временная занятость аналогичным образом в большинстве случаев представляет собой неформальные трудовые отношения; фриланс можно рассматривать и как случайную занятость, и как вторичную, а в не-

которых случаях и как дистанционную занятость или заемный труд.

В условиях пошатнувшегося положения наемного труда социальное государство должно, как никогда, быть вовлеченным в вопросы регулирования этой сферы. Еще раз обратимся к тому, что социальный статус для подавляющего большинства современных экономически активных людей является привязанным к их трудовой идентификации. Неустойчивость положения индивида на рынке наемного труда де-факто означает зыбкое положение этого индивида в социальном пространстве. Роль государства в трудовой сфере сегодня столь же значительна, сколь и в прошлые времена, когда социальное государство только начинало свое восхождение, когда Л. Эрхард⁸ и У. Беверидж⁹ настаивали на сохранении полной занятости в экономике, чтобы избежать губительной для бюджета социальной нагрузки по содержанию безработных. Однако сама суть этой роли претерпела изменения – поддержание высокой занятости нужно не только для решения экономических задач, а в большей степени – чтобы избежать исключенности индивида из контекста социального взаимодействия. Невнимание к этой стороне вопроса, вероятнее всего, приведет к увеличению числа асоциальных индивидов, росту групп аутсайдеров, а в конечном счете к формированию альтернативного социума. Таким образом, повышение значения роли социального государства в управлении трудовой сферой можно рассматривать как один из векторов трансформации функций социального государства перед лицом задачи сдерживания чрезмерного социального расслоения.

Современное социальное государство переживает кризис солидаристской системы социального страхования. В «ловушке безработицы» оказывается все больше агентов политики социального государства, в то время как налоговое бремя активно работающей части европейского населения постоянно возрастает. Наметившиеся тенденции в сфере трудовых отношений заставляют западные страны пересматривать принципы собственной социальной и экономической политики. Все больше проявляются тенденции смещения акцентов с расширения социальных прав (под которыми чаще всего понимается социальное обеспечение населения) к механизмам реализации права на труд.

Согласно данным Евростата, безработица в Евросоюзе достигла 10,8% к 2012 г., это более 17 млн человек, оказавшихся аутсайдерами рыночной экономики, причем по меньшей мере 5,5 млн из них являются представителями молодого поколения с дипломами на руках и в возрасте до 25 лет. Наибольшей глубины кризис на рынке труда достиг в Испании и Греции (23,5 и 21% безработных соответственно)¹⁰. В попытках переломить ситуацию 5 декабря 2012 г. в

Брюсселе состоялось обсуждение мер по борьбе с молодежной безработицей. Еврокомиссар по рынку труда и социальным вопросам Ласло Андор предложил правительствам стран Евросоюза принять так называемые «молодежные гарантии», которые должны обеспечить всех дипломированных специалистов в возрасте до 25 лет работой, соответствующей уровню их квалификации, в течение четырех месяцев после завершения высшего образования. Тем, кто не сможет получить работу в указанный срок, правительство должно предоставить дополнительное обучение и тренинги, чтобы привести уровень их компетентности к потребностям рынка труда¹¹. Вместе с тем правительство Евросоюза не предложило конкретных шагов по реализации намеченной программы, вероятно, это связано с тем, что подобные механизмы регулирования рынка вступают в противоречие с принципами свободной рыночной экономики.

К сожалению, современная российская действительность свидетельствует о том, что наше государство оказалось в столь же сложной ситуации, складывающейся на рынке труда. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, около четверти россиян беспокоит угроза безработицы¹². Дисфункции общественной организации труда, характеризующие современный этап становления российской экономики рыночного хозяйства, неизбежно ведут к нарастанию социального антагонизма. Очевидно, что дальнейшее их игнорирование со стороны государства и общественных институтов чрезвычайно опасно для целостности общества и его дальнейшего развития. Не говоря уже о том, что без качественных трансформаций социальных отношений в трудовой сфере невозможны ни реализация национальной стратегии развития, ни модернизация социально-экономической сферы, ни развитие человеческого потенциала, ни переход к экономике знания.

Примечания

- ¹ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. А. Гофмана. М., 1996.
- ² См.: Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / пер. с фр.; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. СПб., 2009.
- ³ Там же. С. 478.
- ⁴ См.: Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 285–306.
- ⁵ См.: Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М., 2004; Попов А. Д. Неформальный сектор в аспекте затрат труда в экономике России // *Вопр. статистики*. 2005. № 7. С. 36–41; В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / науч. ред. В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников. М., 2014; Чернина Н. В. Соци-

- альный феномен занятости в неформальной экономике. Новосибирск : РАН (Сиб. отд-е) ИЭ и ОПП, 1996.
- 6 См.: Обследование населения по проблемам занятости населения : ежеквартальный стат. бюл. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2013.
- 7 См.: В тени регулирования : неформальность на российском рынке труда.
- 8 См.: Эрхард Л. Благополучие для всех. М. : Посев – США, 1990.
- 9 См.: Beveridge W. Full Employment in a Free Society. P. : Doman-Montchretien, 1945. P. 15.
- 10 См.: Косарев Д. Без права на труд // Рос. газ. (№ 5746, федер. вып.). 2012. 4 апр.
- 11 См.: Забродина Е. ЕС спасают обязаловкой // Рос. газ. (№ 5953, федер. вып.). 2012. 5 дек.
- 12 См.: Начало 2014 года : проблемный фон России. Пресс-выпуск № 2516. ВЦИОМ : [сайт]. URL: <http://wciom.ru/> (дата обращения: 18.02.2014).

УДК 316.454.54

СТУДЕНЧЕСКАЯ ДРУЖБА: ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ

И. А. Бегинина, М. А. Шедловская

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, shedlovskaya.margo@yandex.ru

В статье по результатам социологического опроса анализируются изменения, которые происходят в студенческом восприятии дружбы под влиянием возраста, отслеживается динамика трансформации ценностных ориентаций как основы дружеских отношений.

Ключевые слова: студенчество, возрастные изменения, дружба, дружеские отношения, иерархия ценностей студенчества.

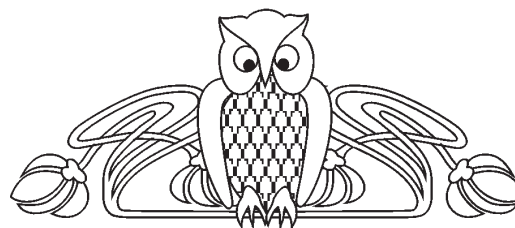
Students' Friendship Perception Dynamics

I. A. Beginina, M. A. Schedlovskaya

The article deals with the changes, taking place in students' perception of friendship under the age in influence. The transformation of value orientations dynamics is considered on the basis of friendly relations.

Key words: studentship, age changes, friendship, friendly relations, students' values hierarchy.

Дружба все время остается одним из самых важных факторов поддержания стабильности личности, группы. Однако ее восприятие всегда было неоднозначным. С одной стороны, все народы и во все времена почитают дружбу величайшей социальной и нравственной ценностью. С другой стороны, люди неизменно считают «подлинную дружбу» редкой, а расцвет ее, как правило, относят к прошлому¹. В мире рыночной экономики это становится все больше идеалом и меньше – практикой социального взаимодействия. Недаром, по образному выражению З. Баумана, «лозунгом дня стала гибкость»². Городской житель активного возраста ежедневно вступает в контакты с 30–40 самыми разными людьми, а за свою жизнь он знакомится с одной-двумя тысячами человек³. Однако большинство из них так и не становятся друзьями. Актуальность обращения к изучению дружбы, таким образом, обусловлена значительными переменами в обществе, которые повлияли на ценностные ориентации человека в сфере межличностных

отношений. В полной мере это относится и к студенчеству.

Практически почти каждый студент имеет от 2–3 до 15 и более друзей. Однако, как показал проведенный в 2012 г. социологический опрос (n = 200 саратовских студентов, отобранных по вероятностной квотно-стратифицированной выборке), сам термин «дружба» студенчество интерпретирует по-разному: как взаимопонимание, взаимопомощь (36,5% опрошенных), как нечто очень важное, но абстрактное, например – «одна душа в двух телах» (30%), как отношения, основанные на доверии, честности (по 14%), как общие интересы и увлечения (11%), как любовь (без сексуального подтекста) и уважение (4 и 1% соответственно), как деловой обмен услугами (5%), как секс без обязательств (7%). Это вывело необходимость выделения возрастной динамики студенческой интерпретации дружеских отношений.

Подчеркнем, что для всех категорий студентов доминантой выступает абстрактное понимание дружбы как очень значимого способа тесной и эмоционально окрашенной взаимосвязи между людьми, как важной потребности в сплоченности и социальном единстве (30% опрошенных). Однако для 17–18-летних это несколько важнее, чем, например, для 19–20-летних (36,5 и 25,6% этих категорий студентов соответственно). На втором месте по значимости для самых молодых студентов – дружба как взаимопонимание (21,2%), на третьем – дружба как совместная реализация общих интересов, увлечений (11,5%). Это свидетельствует об утилитарном характере их толкования дружбы и подтверждается тем, что на четвертом месте оказались такие интерпретации дружбы, как доверие, верность и взаимопомощь (по 9,6%). Дружбу как любовь истолковывают 3,8% этой категории студентов. Дружбу как уважение отметили только 1,9% сту-